

РУССКАЯ КОНСЕРВАТИВНАЯ ФИЛОСОФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА О СУЩНОСТИ ТЕРРОРИЗМА

О. В. Парилов^{1,2}

¹*Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
(Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация*

²*Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Российская Федерация*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена исследованию взглядов отечественных консервативных философов второй половины XIX века на сущность терроризма. Цель статьи – экстраполяция данных воззрений на современную ситуацию в России, характеризующуюся активизацией терроризма, экстремизма.

Материалы и методы. Материалом статьи выступают сочинения русских консервативных авторов второй половины XIX века, современные научные исследования по проблемам отечественного консерватизма и формирования русского самосознания, либерализма и его связи с нигилизмом, терроризмом; работы, исследующие сущность терроризма. Автор опирался на цивилизационный подход в сочетании с диалектическим, на методы: герменевтический, аналитический, синтетический, обобщения, реконструкции философских воззрений, сравнительно-исторический.

Результаты исследования. В ходе работы установлено тождество социальных факторов, обусловивших всплеск терроризма в России последней трети XIX века и в настоящее время. Выявлены глубинные, имеющие вневременной характер онтологические и антропологические основания терроризма: дискредитация бытия и обесценивание человека вследствие секуляризации Нового времени. Метафизическая, иррациональная сущность терроризма, установленная консервативными философами, актуальна и в настоящее время. Злободневны и выявленные консервативными авторами типологические портреты представителей различных вариаций терроризма; связь беспочвенного ультралиберализма с нигилизмом, терроризмом.

Обсуждение и заключения. Автору удалось актуализировать воззрения русских консервативных мыслителей второй половины XIX столетия на сущность нигилизма, терроризма. И сегодня большое значение имеют выявленные указанными мыслителями меры противодействия терроризму: негативные (борьба и предупреждение) и позитивные (сплочение и духовное оздоровление общества, воспитание молодёжи в духе традиционных ценностей и патриотизма).

Ключевые слова: русская консервативная философия, терроризм, нигилизм, ультралиберализм

Для цитирования: Парилов О. В. Русская консервативная философия второй половины XIX века о сущности терроризма // Вестник Мининского университета. 2024. Т. 12, № 4. С. 15. DOI: 10.26795/2307-1281-2024-12-4-15.

RUSSIAN CONSERVATIVE PHILOSOPHY OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY ON THE ESSENCE OF TERRORISM

O. V. Parilov^{1,2}

¹*Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University),
Nizhny Novgorod, Russian Federation*

²*Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Nizhny Novgorod, Russian Federation*

ABSTRACT

Introduction. The article is devoted to the study of the views of domestic conservative philosophers of the second half of the 19th century on the essence of terrorism. The purpose of the article is to extrapolate these views onto the current situation in Russia, characterized by the intensification of terrorism and extremism.

Materials and Methods. The material of the article is the writings of Russian conservative authors of the second half of the 19th century, modern scientific research on the problems of domestic conservatism and the formation of Russian self-awareness, liberalism and its connection with nihilism, terrorism; works exploring the essence of terrorism. The author relied on a civilizational approach combined with a dialectical one, on methods: hermeneutic, analytical, synthetic, generalizations, reconstruction of philosophical views, comparative historical.

Results. In the course of the work, the identity of the social factors that determined the surge in terrorism in Russia in the last third of the 19th century and at the present time was established. The deep, timeless ontological and anthropological foundations of terrorism are revealed: the discrediting of being and the devaluation of man due to the secularization of the New Age. The metaphysical, irrational essence of terrorism, established by conservative philosophers, is still relevant today. The typological portraits of representatives of various variations of terrorism identified by conservative authors are also topical; the connection between groundless ultra-liberalism and nihilism and terrorism.

Discussion and Conclusions. The author managed to update the views of Russian conservative thinkers of the second half of the 19th century on the essence of nihilism and terrorism. And today, the measures to counter terrorism identified by these thinkers are of great importance: negative (fight and prevention) and positive (unity and spiritual improvement of society, educating young people in the spirit of traditional values and patriotism).

Keywords: Russian conservative philosophy, terrorism, nihilism, ultra-liberalism

For citation: Parilov O. V. Russian conservative philosophy of the second half of the XIX century on the essence of terrorism // Vestnik of Minin University. 2024. Vol. 12, no. 4. P. 15. DOI: 10.26795/2307-1281-2024-12-4-15.

Введение

Цель статьи – исследовать взгляды русских консервативных философов второй половины XIX века на сущность и истоки терроризма; актуализировать данные взгляды применительно к современному терроризму в России. Факторы, обусловившие активизацию

терроризма в настоящее время в нашей стране: СВО, переросшая в открытое противостояние с Западной цивилизацией, трансформация социально-политического курса, мировоззренческо-идеологический конфликт, – обнаруживают связь с ситуацией последней трети XIX века, поэтому осмысление известными консервативными авторами сущности терроризма в контексте значимых социально-исторических событий, определение путей противодействия ему чрезвычайно актуально. Заслуга отечественных консервативных мыслителей – в выявлении имеющих вневременной характер глубинных онтологических, антропологических оснований нигилизма как идейной сути терроризма: дискредитация бытия посредством его редукции исключительно к эмпирическому, обесценивание человека вследствие секуляризации. Знаковые психологические черты террориста XIX в.: отрицание прошлого, гедонизм, крайний эгоизм и самообожание, жажда внешних переустройств в сочетании с равнодушием к собственному духовному миру – очевидно прочитываются и в современных террористах. Актуальна и выявленная консервативными авторами иррациональная, метафизическая сущность терроризма, в контексте извечной борьбы Бога с дьяволом. Описанные консервативными философами XIX столетия типологические портреты: террориста-лидера, «идейного» террориста и подконтрольных им представителей террористической молодёжи – столь же ярко проявлены и в современных террористах России. Беспочвенную либеральную прозападную интеллигенцию философы-консерваторы справедливо определяли как силу, потворствующую терроризму. Эту же роль сегодня играет антигосударственная ультралиберальная фронда, русофобы-релоканты, многие из которых признаны иноагентами. Практическая значимость исследования – в актуализации сформированных философами мер противодействия терроризму: негативных (предупреждение и борьба) и позитивных (духовное оздоровление общества). Теоретическая значимость заключается в углублённом исследовании отечественной консервативной философии и экстраполяции идей русских консерваторов на современность.

Обзор литературы

В исследовании автор, прежде всего, опирался на первоисточники – оригинальные труды русских консервативных мыслителей второй половины XIX века: К. П. Победоносцева [13, 18], К. Н. Леонтьева [5, 10], М. Н. Каткова [7, 9].

Предметом рассмотрения также стал значительный блок современных исследований, посвящённых анализу воззрений указанных консервативных авторов на сущность нигилизма, терроризма, либерализма. О роли К. П. Победоносцева в духовной жизни России XIX века писали М. В. Жиков, В. А. Ковалев [4]. Консервативной модели политического развития нашей страны посвящены работы В. В. Панасюка, Н. А. Бачу [16], С. А. Трушкова, А. Д. Зубрицкого [24]. Мировоззренческие установки К. Н. Леонтьева рассмотрены А. Л. Казиным [6], А. А. Мамедовым, К. Ю. Донских, Д. В. Котусовым [12]. Проблему применения византийского идеала к современной России исследовал Ю. В. Пуцаев [20]. Критике К. Н. Леонтьевым отечественного либерализма посвящена статья В. Б. Рожковского [22]. В работах М. В. Медоварова, А. Ю. Минакова, А. А. Попова [14, 15, 19] исследована историческая роль консервативного наследия М. Н. Каткова; соотношению взглядов мыслителя на русский нигилизм, терроризм с аналогичными взглядами К. П. Победоносцева посвящена работа Е. В. Переваловой, В. В. Перевалова [17].

Использованы сочинения, посвящённые особенностям отечественного консерватизма: ценностям и концепции социального переустройства [21, 33]. Тема формирования

русского самосознания в историософской ретроспекции и в современности отражена в исследованиях С. Н. Кочерова, А. М. Хамидулина, А. В. Бабаевой, С. Н. Пушкина, Л. Е. Шапошникова [8, 26, 27].

В орбиту исследования вовлечён корпус сочинений, рассматривающих особенности русского либерализма и его связи с нигилизмом, терроризмом. О возникновении русского либерализма и особенностях либеральной доктрины XIX века писали J. Berest, G. M. Hamburg, D. P. Hammer [29, 31, 32]. Разрыв между либеральными идеалами и реальностью – такова тема исследования R. Poole [39]. Трактовке свободы, равенства ключевой фигурой русского либерализма Б. Н. Чичериным посвящена работа G. M. Hamburg [35]. Знаковая тема оппозиции либерализма и консерватизма в России XIX столетия рассмотрена в работе D. Offord [37]. В качестве исследования психологического портрета русского либерала укажем на труд D. Offord [38]. Представляет интерес работа А. Валицкого [41], исследующая философскую составляющую отечественного либерализма.

Особое внимание уделено работам, раскрывающим сущность нигилизма, терроризма. Тему зарождения терроризма в России в XIX веке исследовала О. В. Ершова [2]. Психологический портрет нигилиста, террориста, этику нигилизма рассмотрели авторы сборника «Вехи...» С. Н. Булгаков и С. Л. Франк [1, 25]. О механизмах противодействия терроризму писали А. И. Лосев, С. Н. Фёдоров, В. А. Лапшов [11, 34]. Сравнительный анализ терроризма в ретроспекции и в современных условиях провёл С. В. Бачурин [28]. Иностраный след в распространении терроризма в России – эта проблема рассмотрена Е. А. Лыковой и В. Н. Чибуниным [36]. Анализ терроризма как аспекта культурных войн провёл J. Stieb [40]. Детерминационным особенностям и эволюции терроризма в современной России посвящены работы А. Ю. Сагайдак, Н. А. Корсиковой, K. Czornik, M. Szynol [23, 30].

Материалы и методы

Объектом исследования послужила русская консервативная философия второй половины XIX столетия. Материалом исследования стали оригинальные сочинения консервативных авторов данного периода: К. П. Победоносцева, К. Н. Леонтьева, М. Н. Каткова; современные работы отечественных и зарубежных ученых, посвященные анализу русского консерватизма и воззрений конкретных консервативных авторов; труды, рассматривающие особенности русского либерализма и его связь с терроризмом, а также сочинения, исследующие сущность терроризма. В качестве методологического базиса исследования автор опирался на цивилизационный подход к истории, в сочетании с диалектическим, в плане учета существенных социальных связей как объективных условий развития социума. Использованы общеполитические методы: герменевтический (авторский перевод и интерпретация иноязычных текстов); общенаучные методы: аналитический, синтеза, обобщения; научно-исследовательские методы: реконструкции философских воззрений отечественных консервативных мыслителей второй половины XIX века, сравнительно-исторический.

Результаты исследования

Последняя треть XIX столетия в России характеризуется всплеском терроризма, который в итоге привёл к трём революциям, обрушившим Российскую империю, и последующему затем красному террору. Истоки, метафизическая суть терроризма стали

важнейшими темами исследования отечественных консервативных мыслителей второй половины XIX века: К. П. Победоносцева, М. Н. Каткова, К. Н. Леонтьева, Ф. М. Достоевского. Показательно, что практически все они в молодости пережили искушение либеральными идеями (Победоносцев и Катков) либо революционно-социалистическими (Достоевский). Разгул терроризма в России оказался далеко не последним фактором их кардинального мировоззренческого переворота в сторону почвенничества, охранительного консерватизма. Идеи мыслителей позволят адекватно понять сущность современного терроризма в России, ибо исторические параллели здесь очевидны.

Так, нарастание террора в XIX столетии происходило в условиях социальных тектонических сдвигов: обнаружившее кризис российского общества поражение в Крымской войне, Польское восстание, реформы 60-70-х годов, противостояние консервативно-монархической патриотической идеологии прозападным либеральной и радикальной социалистической. Последние идеологии «вытесняли... сакральное понимание государственности», что привело к «демифологизации... Самодержца, потере уважения к власти, духовному упадку в обществе» [21, с. 16-17]. Трагедией конца XIX века было то, что за масштабные преобразования взялась «пустая» революционная молодёжь без знаний, опыта, внутреннего стержня, а безвольное общество последовало за ней.

Колоссальные социальные трансформации характеризуют и современную Россию. Наша страна взяла на себя миссию центра построения справедливого многополярного мира, войдя тем самым в прямую конфронтацию с англосаксонской, романо-германской цивилизацией, провозглашён путь самобытного развития на основе традиционных ценностей, обретения национально-государственного суверенитета, но ключевым событием является СВО, переросшая в открытую гибридную войну с Западом; последний фактор является определяющим в современном терроризме.

Идейная сущность терроризма – **нигилизм** – не что иное, как отрицание мира и человека. И в онтологической, и в антропологической проявленности нигилизм явился доведением до логического завершения установок Нового времени, нигилистических по своей сути.

Онтологическое проявление. Разрушая религиозно-метафизический фундамент бытия, сводя бытие исключительно к эмпирическому, тем самым Новое время дискредитировало бытие, низвело его до уровня разрозненных земных вещей (предметов). В религиозно-авраамическом контексте, Бог творит мир из ничего. Вследствие отрицания Бога мир обнаруживает свою ничтожность, пустоту, (*nihil*-ничто). Данная концепция дезонтологизации, считаем, напрямую связана с теорией К. Леонтьева о разрушении социально-государственного организма путем уничтожения его цветущей сложности, сословных перегородок; торжества идей всесвободы и всеравенства. Подобное же мироощущение переживает и К. Победоносцев в конце жизненного пути: «Тяжело сидеть на развалинах прошедшего и присутствовать при ломке всего того, что не успели еще повалить» [13, с. 27].

В **антропологическом контексте**, путь Нового времени свёлся в итоге к борьбе за обретение земным человеком ничем не ограничиваемых гражданских свобод. Но каждый такой шаг к внешней, отрицательной свободе «от» (общества, Бога...) одновременно был и шагом к одиночеству, что означает отрицание самого человека и его обесценивание, ибо внешние связи с обществом, с Богом суть необходимые условия целостности, полноты человека. То есть этот путь освобождения от мира неизбежно обнаружил свою нигилистическую природу, реальным воплощением чего стал терроризм европейских

буржуазных революций, русский терроризм восьмидесятых годов XIX в., проявленный в ходе трёх революций, последующего затем красного, белого террора – во всех случаях это вылилось в массовое убийство по сословному признаку людей, низведённых Новым временем, Просвещением либо до уровня машины (Ж. Ламетри), либо до уровня животных. Сведение человека к животному характерно для русской атеистической интеллигенции, по выражению К. Победоносцева, «унижающей человека... до пределов гниения», утверждающей личность как «неведомое существо, медленно выделяющееся из животной жизни» [18, с. 85]. По выражению другого консервативного автора М. Каткова, русские террористы опирались на «вдохновенную» истину, что «человек и лягушка, в сущности, одно и то же» [9, с. 197].

Такой подход к человеку русские консервативные авторы напрямую связывали с неизбежностью нигилизма, терроризма: «Личность немного будет... значить», как следствие, «снимутся всякие преграды к насилию и самовластию», человек «будет приноситься в жертву... во имя доктрины... усовершенствования природы» [18, с. 193]. Пророчески К. Победоносцев утверждает, что за безудержным стремлением к неограниченным свободам стоит самоосвобождение от «уз» нравственности.

Разгул терроризма в России не только послужил трансформации мировоззрения К. Победоносцева в сторону охранительного консерватизма, но и во многом определил его драматичную судьбу. Всесильный Ober-прокурор Священного Синода, воспитатель цесаревича, Великих Князей, после убийства Александра II террористами, он, по сути, стал правой рукой восшедшего на престол молодого Александра III. В 1901 году Победоносцев и сам переживёт покушение. Он осуждал радикальные и отрицательные учения русских террористов, движимых ненавистью и презрением. В основе терроризма он видел отрицание прошлого, безудержные эгоизм и самолюбие: нигилист «требуя свободного входа в каждую душу, насилует чужую совесть» – исключительно ради «только своего личного мнения» [18, с. 185]. Самообожание неизбежно приводит к чувству вседозволенности и аморализму.

Аналогичных взглядов на внутренние установки и мотивы террористов последней трети XIX в. придерживались авторы сборника статей о русской интеллигенции «Вехи». По убеждению С. Булгакова, террорист не ценит ни свою жизнь, ни чужую, но за этим самопожертвованием кроется лишь инфантильная неприспособленность к жизни, бегство от её тягот. Террорист поверхностно воспринял европейский возрожденческий образ «натурального» человека – доброго по природе, но изуродованного внешней средой. Отсюда нездоровая тяга лишь к внешним преобразованиям, игнорирование своего внутреннего, духовного мира. Самообожание «героя»-террориста, лишённого чувства личной вины и ответственности, и приводит к претензии на роль человекобога – вершителя своей и чужих судеб [см.: 1]. В том же ключе, что и К. Победоносцев и С. Булгаков, рассуждает С. Франк: народников, проповедовавших любовь к ближнему, в семидесятые годы XIX века сменили радикалы-нигилисты, движимые идеей «любви к дальнему», верой в призрачное «всечеловеческое счастье» и ненавистью к врагам, страстью к разрушению. Так родился «воинствующий монах нигилистической религии земного благополучия, у которого любовь к бедным превращается в любовь к бедности» [25, с. 191].

Но наиболее рельефные портреты нигилистов-террористов принадлежат перу М. Н. Каткова. По верному утверждению А. Попова, «социализм, нигилизм... сплелись у него в единый «клубок зла», против которого он последовательно вел борьбу» [19, с. 79]. Для М. Каткова нигилизм и его порождение – терроризм суть псевдорелигия отрицания ради отрицания, разрушения ради разрушения. Подобно Ф. Достоевскому, консервативный мыслитель переводит проблему терроризма в сферу трансцендентного: столкновение терроризма

и сил, противодействующих ему, суть извечная борьба между метафизическими субстанциями Света и тьмы, Добра и зла (здесь Бог с дьяволом борется); чью сторону выбрать – дело свободного самоопределения человека (поле битвы – сердца людей). В этом и заключается метафизическая, **иррациональная** суть терроризма: зло, изначально выступая в качестве движущей силы, постепенно пленяет человека, из средства трансформируется в цель.

В современном украинском терроризме столь же ярко проявлена иррациональная сторона – в бессмысленных с военной точки зрения атаках против российского мирного населения, ракетных обстрелах школ, больниц, библиотек, рынков Донбасса и других приграничных областей России. Цель данных терактов озвучил бывший посол Украины в Казахстане П. Врублевский – убивать как можно больше русских. Рационального смысла в подобных террористических акциях нет, ибо таким образом Украина действует прямо во вред себе: провоцирует массированные ответные удары, способствует сплочению российского общества и пополняет мотивированными воинами ряды вооруженных сил РФ: только за 10 дней после трагедии в Крокус Сити Холле более 16 тысяч добровольцев подписали контракты и отправились в зону СВО. То есть налицо иррациональный характер украинского терроризма.

Иррациональный характер терроризма подтверждается тем, что зачастую он сопряжен с кощунством, поруганием христианских святынь. Это характерно и для терроризма XIX века, и для современного терроризма. В романе «Бесы» ячейка П. Верховенского накануне церковного праздника подкладывает мышь в киот иконы Пресвятой Богородицы. 2 апреля 2024 года таможня на российской границе задержала партию православных икон: с территории сопредельного государства в Россию пытались завезти в иконах и иной церковной утвари взрывчатые вещества. Источник происхождения взрывоопасного груза – Украина. Современность демонстрирует много примеров связи терроризма с кощунством, поруганием христианских святынь: террористическая организация полк Азов прославилась открытым сатанизмом и языческими идолослужениями; в захваченных униатами, раскольниками православных храмах Украины устраиваются сатанинские действия; беглый экс-депутат М. Фейгин, призывавший молодых россиян к террору, в свое время прославился тем, что в качестве адвоката защищал кощунниц, устроивших «панк-молебен» в Храме Христа Спасителя.

В силу иррациональной природы терроризм полон «противоречий и бессмыслицы», базируется на чистом отрицании, на догме: «Всё решено и всё вздор» [9, с. 230]. По М. Каткову, нигилизм, терроризм процветают в обществе духовно опустошенном, утрачивающем духовные скрепы, где «не осталось самостоятельной силы... где нет ничего стоящего твёрдо». Кроме того, в социуме, где потеряны органические связи между людьми – в отсутствии подлинного единства терроризм создаёт иллюзию общности: «На положительном все перессорятся, ... на отрицательном все легко сдружатся, и дело закипит» [9, с. 232]. Эти идеи чрезвычайно актуальны, если учесть ценностную дезориентацию после более чем тридцати лет подражательного развития и тотальное разобщение современного российского социума. Обаяние нигилизма, терроризма обусловлены догматическим характером этой псевдорелигии отрицания.

Нигилист, по М. Каткову, проповедует гедонистический идеал «животного с приправой наслаждения». А поскольку такой тип «блаженства недостижим при существующем порядке вещей», то нигилист стремится его разрушить и направить на это «дело разорения все разнузданные инстинкты зверя» [7, с. 367], то есть прибегает к террору.

Согласно М. Каткову, тип лидера, идеолога терроризма персонифицирован М. А. Бакуниным, которому консервативный философ приписывает наиболее отталкивающие черты: черствость, лживость, пустота и бесплодность ума, «стремление жить на чужой счёт» [7, с. 367]. Идеолог терроризма воздействует «на самую испорченную и... незрелую часть... нигилистствующей молодёжи» [7, с. 367, 368]. Подобной тактики придерживаются и современные беглые иноагенты, о чем скажем позже.

Также актуальна выделенная М. Катковым особенность вдохновителя терроризма – антипатриотизм, ненависть к России: «Наши всеразрушительные революционеры... солидарны в чувстве вражды к русскому патриотизму, ими движет ненависть к Всероссийскому государству и твердая воля способствовать ... разрушению его» [7, с. 371]. По убеждению философа, идеолог терроризма – фигура не самостоятельная: «Враги России и создали их» [7, с. 373].

Черты вдохновителя терроризма – отсутствие сомнений в своей правоте, горячее желание «всеуничтожения» и раздутое самолюбие – «свою особу чтят как сосуд великой силы». Эгоизм порождён отчасти комплексом социальной ущербности. По наблюдению М. Каткова, в 70–80-е годы XIX века «обильным источником злобных отрицаний» стало униженное и стеснённое рядовое православное духовенство [9, с. 194].

Как же развивался нигилизм в России, приведший в итоге к разгулу терроризма? Нигилисты «первых времён», олицетворяемые героями романа Н. Чернышевского «Что делать?», свои гедонизм, «грязь и цинизм», выразившиеся в отрицании традиционных ценностей (в частности, семейных), прикрывают «вуалью шаловливости, герои испытывают душевную борьбу... Кодекс старой нравственности только замаран» [7, с. 387]. Но на смену «мягкому» нигилизму приходит терроризм, олицетворяемый Нечаевым. Последний откровенен в своём крайнем цинизме: русский революционер – «человек без убеждений, без правил, без чести, ... готовый на всякую мерзость, подлог, обман, грабеж, убийство и предательство... даже своих соумышленников и товарищей» [7, с. 379]. Единственная его цель – всеобщее разрушение ради разрушения.

Наряду с лидерами, вдохновителями терроризма и «идейными» террористами вроде Нечаева мыслитель выделяет категорию ведомых – «слабосильных людей, покоряющихся их авторитету и слепо следующих за ними» [9, с. 241]. Это неопытные юноши без внутреннего стержня, легко увлекающиеся чужими идеями и поддающиеся влиянию. Подобный образ угадывается в современном типе школьного стрелка или недоросля, совершающего разрушительные теракты в гражданских учреждениях России, завербованного или «с промытыми мозгами». Пророчески М. Катков утверждает, что корень проблемы здесь – недостаток воспитания, образования. Это звучит чрезвычайно современно, если учесть особенности российской системы образования последних тридцати лет, базирующейся на чуждых российской культуре западных ценностях, а также среду голливудского кинематографа и интернета с зашкаливающей агрессией, в которую погружено молодое поколение, – «они приняли то, что им дано» [9, с. 248].

Философ утверждает, что внешне проявляемые честность, аскетизм – лишь поза, воплощение эгоцентризма и гордыни террориста: «Там, где господствует отрицание..., там невозможна истинная ненависть ко лжи» [9, с. 250].

Отличаясь крайним нравственным релятивизмом, террорист руководствуется лишь внешним впечатлением, которое он произведёт. Если террористы-ведомые характеризуются внутренней пустотой, то лидеры-вдохновители – «искренним и неподдельным чувством озлобления» [9, с. 239].

В качестве потворствующей, идейно-вдохновляющей терроризм силы консервативные авторы второй половины XIX века называли русскую (лишь по имени) либеральную интеллигенцию. Радикализм, терроризм в России развивался благодаря малодушию, «лоском прикрытому ничтожеству и невежеству» [7, с. 386] этих отщепенцев. Они разрушали государство, дискредитируя легитимную власть «под фирмой либеральничания» [7, с. 386]. По М. Каткову, логически связанные этапы нисхождения от либерализма к терроризму выглядят следующим образом: на смену «чиновничьему либерализму, полуобразованной и варварской части нашего общества» приходит проповедующий разврат «отъявленный нигилизм», затем создаётся «революционная организация людьми, освободившими себя от предрассудков... нравственности и чести»; завершение цепочки – «лихой разбойничий люд, обходящийся без всяких теорий» [7, с. 380].

Наиболее яркий антилиберал К. Леонтьев в либерализме видел ещё большую опасность, чем нигилизм. Суть либерализма, считает философ, – разрушение (сословных перегородок, традиционных духовных начал). Прозорливо мыслитель утверждает, что абсолютизация гражданских свобод либералами чревата противоположной крайностью – «деспотизмом и насилием» [10, с. 136]. Типичный русский либерал, по К. Леонтьеву, либо человек недалёкий, либо злонамеренный: «Кто... был коварен, тот был умен, ибо достигал своей цели – расстройства общего. А кто был прям и честен в своих увлечениях, тот... просто ничего государственного не понимал» [10, с. 178].

Некритично позаимствованный у Запада, инородный для российской почвы псевдорусский либерализм уничтожает государство и калечит сознание интеллигенции¹. Леонтьев пишет о том, что государство, в котором элита потворствует террористам, нежизнеспособно. Тем самым он пророчески предрекает в будущем гибель Российской империи. Более того, в случае отказа России от самобытного пути византизма, утверждения эгалитарно-либеральной идеологии Россия превратится в царство тотального террора в общемировом масштабе: «По идеалу наших нигилистов найдет призвание в передовой разрушительной роли» [10, с. 68].

Современная вариация русского беспочвенного либерализма – нынешние предатели-релоканты. Их по инерции именуют либеральной интеллигенцией, хотя «либералы» в их случае – не более чем бессодержательный ярлык. Типичных черт классического либерализма Дж. Локка, Дж.-Ст. Милля: патриотизм, уважение закона и чужого мнения, свобода слова – российские псевдолибералы напрочь лишены. Эта разношёрстная публика, типичные смердяковы: бывшие деятели российской культуры и шоу-бизнеса, политики и науки – выпестованы Западом в девяностые – нулевые годы и, соответственно, продвигали в России якобы универсальные западные ценности. Так, Р. Апресян, некогда главный научный сотрудник секции «Этика» Института Философии РАН (организации, отвечающей за формирование высших смыслов в России), после начала СВО сбежал на Запад, признан в настоящее время иноагентом. Можно лишь догадываться, какие этические установки он продвигал в России за щедрые европейско-американские грантовые субсидии. Сегодня более 500 этих смердяковых признаны иноагентами. Как и их предтечи XIX века, они патологически

¹ Как пример безумия либеральной интеллигенции философ указывает на ее отношение к двум шедшим одновременно судебным процессам: против игуменьи Митрофании, уличенной в приписках ради «любимого ею религиозного учреждения», и против террористки В. Засулич, застрелившей петербургского градоначальника Ф. Трепова во имя «всеобщего равенства и свободы». Над игуменьей, а в ее лице и над всем монашеством, либеральная публика глумилась «как гнусный Хам»; террористке Засулич «сделала блистательную овацию» [10, с. 183].

ненавидят все российское: государство, народ и боготворят всё западное; отличаются ригоризмом, нетерпимостью к чужому мнению, то есть, выступая за всяческие свободы, сами отличаются крайне тоталитарным мышлением.

Движимые ненавистью к русскому миру, к России эти предатели-релоканты и сегодня провоцируют, благословляют терроризм в нашей стране. Показательно в этом плане обращение сбежавшего на Запад экс-депутата Государственной Думы РФ М. Фейгина (признан иноагентом) к молодым россиянам, разочарованным, не ценящим жизнь, но «готовым действовать». Он призывает их к «политической работе, которая конвертируется во всякую другую»: «Если вы поставили на себе крест и всё равно сгинете, то сделайте это с пользой», то есть мы видим прямой призыв к терроризму [3]. Ещё один иноагент, экс-депутат Г. Гудков, разъясняет, как осуществлять теракты на режимных объектах России, призывает потенциальных призывников метать коктейли Молотова в военкоматы. А Г. Каспаров (также признан иноагентом) грезит о расчленении России посредством тотального террора, в его интерпретации – шоковой терапии.

Эта жёсткая связка между беспочвенным либерализмом и терроризмом свидетельствует о том, что в России мало что меняется, разве что либерализм принял крайне гротескные формы и выродился в смердяковщину. Самоочищение России от этих предателей, снижение их возможности разрушительной деятельности внутри нашей страны есть большое завоевание последних двух лет.

Обсуждение и заключения

Активизация терроризма как в современной России, так и в России второй половины XIX века обусловлена сходными тектоническими социальными сдвигами, острым мировоззренческим противостоянием. И в онтологической, и в антропологической проявленности нигилизм и его порождение – терроризм суть доведение до логической завершенности секулярных установок Нового времени. Установленные консервативными авторами второй половины XIX века метафизическая, иррациональная суть терроризма, психологические детерминанты терроризма, типологические портреты нигилистов, террористов чрезвычайно актуальны. Актуальна и связь нигилизма, терроризма с беспочвенным прозападным либерализмом.

Значим предложенный русскими консервативными философами рецепт преодоления нигилизма: «Усиление всех положительных интересов жизни» [9, с. 258]. Нельзя не согласиться с тем, что чем богаче духовная жизнь общества (религиозная, умственная, политическая), тем меньше оснований для отрицания жизни. Это актуально и для современной России. Наряду с противодействием и предупреждением терроризма, элиминацией действий внешних и внутренних сил по дискредитации российской власти и российских традиционных ценностей, необходимо, главным образом, совершенствовать позитивную сторону жизни: способствовать сплочению, духовному оздоровлению российского социума, воспитывать молодежь в духе патриотизма и традиционных ценностей и в целом строить жизнь на их основе. В этих условиях нигилист-террорист будет чувствовать себя презируемым и бессильным, а для него это равносильно смерти.

Список использованных источников

1. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. Москва: DeAgostini, 2014. 491 с.

2. Ершова О. В. К вопросу о зарождении терроризма в России в XIX веке // Проблемы борьбы с терроризмом и экстремизмом с учетом современных реалий: сборник научных статей межведомственной конференции. Саратов, 2022. С. 31-38.
3. Есть ли у преступления наказание? URL: <https://smotrim.ru/video/2786918> (дата обращения: 12.09.2024).
4. Жиков М. В., Ковалев В. А. К. П. Победоносцев: жизнь на службе России // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 11. С. 24-31. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50770901_18015572.pdf (дата обращения: 12.09.2024).
5. К. Н. Леонтьев. Pro et contra: в 2 кн. / под ред. Д. К. Бурлака. Санкт-Петербург: РХГИ, 1995. Кн. 1. 474 с.
6. Казин А. Л. Н. Я. Данилевский и К. Н. Леонтьев: новая актуальность // Культурное наследие России. 2023. № 2(41). С. 87-91. DOI: 10.34685/NI.2023.41.2.011.
7. Катков М. Н. Идеология охранительства. Москва: Институт русской цивилизации, 2009. 796 с.
8. Кочеров С. Н., Парилов О. В. Философия русской идеи: монография. Москва: Издательский дом «Русская философия», 2022. 300 с.
9. Критика 60-х гг. XIX века / сост., вступит. ст., преамбулы и примеч. Л. И. Соболева. Москва: ООО Издательство «Астрель»; Издательство «АСТ», 2003. 445 с.
10. Леонтьев К. Н. Избранное. Москва: «Рарогъ», «Московский рабочий», 1993. 400 с.
11. Лосев А. И., Фёдоров С. Н. Противодействие терроризму в России: проблемные вопросы // Актуальные вопросы публичного права: материалы XX Всероссийской научной конференции студентов и молодых ученых. Екатеринбург, 2022. С. 643-652. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_60231925_68990762.pdf (дата обращения: 12.09.2024).
12. Мамедов А. А., Донских К. Ю., Котусов Д. В. Основные мировоззренческие установки философии К. Н. Леонтьева // Общество: философия, история, культура. 2021. № 8(88). С. 27-31. DOI: [10.24158/fik.2021.8.3](https://doi.org/10.24158/fik.2021.8.3).
13. Мать мою, родимую Россию, уродуют. Письма К. П. Победоносцева С. Д. Шереметеву // Источник. 1996. № 6. С. 4-32.
14. Медоваров М. В. Историческая роль и наследие М. Н. Каткова на страницах «Русского обозрения» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2021. № 6. С. 17-23. DOI: 10.52452/19931778_2021_6_17.
15. Минаков А. Ю. Апостол национальной русской политики: М. Н. Катков // Защитники русской государственности XVII-XX веков в портретах и событиях. Москва, 2022. С. 81-88. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_48225878_18581368.pdf (дата обращения: 12.09.2024).
16. Панасюк В. В., Бачу Н. А. Консервативная модель политического развития России К. П. Победоносцева // Наукосфера. 2021. № 5-1. С. 105-110. DOI: 10.5281/zenodo.4741930.
17. Перевалова Е. В., Перевалов В. В. К вопросу о взаимоотношениях К. П. Победоносцева и М. Н. Каткова в 1870-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 81-89. DOI: 10.17223/15617793/482/8.
18. Победоносцев К. П. Московский сборник // К. П. Победоносцев: Pro et contra. Санкт-Петербург: РХГИ, 1996. С. 80-574.
19. Попов А. А. М. Н. Катков: к вопросу о его социально-политических взглядах // Социально-политический журнал. 1992. № 9. С. 74-81.

20. Пуцаев Ю. В. Византизм Константина Леонтьева как общественный идеал и современная Россия // Ортодоксия. 2021. № 3. С. 213-241. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-3-213-241.
21. Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. Москва: ACADEMIA, 2007. 519 с.
22. Рожковский В. Б. «Средний человек» в социально-политической концепции К. Н. Леонтьева // Философия права. 2022. № 3(102). С. 45-50. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49745785_29286172.pdf (дата обращения: 12.09.2024).
23. Сагайдак А. Ю., Корсикова Н. А. Детерминационные особенности терроризма в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2(82). С. 178-184. DOI: 10.35750/2071-8284-2019-2-178-184.
24. Трушков С. А., Зубрицкий А. Д. Политические идеи К.П. Победоносцева и их оценка в отечественной историографии // Гуманитарный научный вестник. 2022. № 4. С. 7-12. <https://doi.org/10.5281/zenodo.6517252>.
25. Франк С. Л. Этика нигилизма // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. Москва: DeAgostini, 2014. 491 с.
26. Хамидулин А. М., Бабаева А. В. Опыт апробации контент-анализа в исследовании концепции «русская идея» // Вестник Мининского университета. 2024. Т. 12, № 1(46). DOI: 10.26795/2307-1281-2024-12-1-10.
27. Шапошников Л. Е., Парилов О. В., Пушкин С. Н. Проблема соотношения общечеловеческого и национального в истории русской мысли: монография. Москва: ФЛИНТА; Нижний Новгород: Мининский университет, 2020. 324 с.
28. Bachurin S. V. The terrorism in political retrospect and modern conditions // Modern Science and Innovations. 2023. No. 1(41). Pp. 141-151. <https://doi.org/10.37493/2307-910X.2023.1.16>.
29. Berest J. The Emergence of Russian Liberalism: Alexander Kunitsyn in Context, 1783–1840. New York: Basingstoke, 2011. 264 p.
30. Czornik K., Szynol M. Between the fourth and fifth waves: the evolution of modern terrorism // Studia Polityczne. 2022. Vol. 50, no. 2. Pp. 139-162. <https://doi.org/10.35757/STP.2022.50.2.06>.
31. Hamburg G. M. Boris Chicherin and Early Russian Liberalism, 1828–1866. Stanford (Calif.): Stanford univ. press, 1992. 443 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000446461> (accessed: 12.09.2024).
32. Hammer D. P. Two Russian Liberals: The Political Thought of B. N. Chicherin and K. D. Kavelin: Ph.D diss. Columbia University, 1962. 403 p. Available at: <https://searchworks.stanford.edu/view/1390865> (accessed: 12.09.2024).
33. Kuzubova A. Yu., Podoksenov A. M., Solovyova L. L., Kvasova O. A., Podoksenova M. A. Legal values of Russian conservatism and their impact on professional legal consciousness // Cuestiones Políticas. 2021. Vol. 39, no. 68. Pp. 811-823. DOI: 10.46398/cuestpol.3968.53.
34. Lapshov V. A. Sociological analysis of documents on countering the ideology of terrorism in modern Russia // Revista GEINTEC. 2021. Vol. 11, no. 4. Pp. 3529-3550. DOI: 10.47059/revistageintec.v11i4.2390.
35. Liberty, Equality and the Market. Essays by B. N. Chicherin / ed. and transl. by G. M. Hamburg. New Haven; London, 1998. 457 p. Available at: <https://archive.org/details/libertyequalitym0000chic> (accessed: 12.09.2024).
36. Lykova E. A., Chibunin V. M. Connection of fictitious registration of foreign citizens with terrorism in Russia // Modern Science. 2019. No. 5-1. Pp. 167-170. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_38212682_20097482.pdf (accessed: 12.09.2024).

37. Offord D. Nineteenth–Century Russia. Opposition to Autocracy. New York: Longman, 1999. 144 p.
38. Offord D. Portraits of Early Russian Liberals: A Study of the Thought of T. N. Granovsky, V. P. Botkin, P. V. Annenkov, A. V. Drushinin and K. D. Kavelin. Cambridge, 1985. 281 p.
39. Poole R. Nineteenth-Century Russian Liberalism: Ideals and Realities // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Winter. 2015. Vol. 16 (1). Pp. 157-181. Available at: https://www.academia.edu/33523016/Nineteenth_Century_Russian_Liberalism_Ideals_and_Realities_Review_Essay (accessed: 12.09.2024).
40. Stieb J. Moral clarity: Terrorism, the culture wars, and modern U.S. conservatism // Diplomatic History. 2022. Vol. 46, no. 4. Pp. 728-754. DOI: 10.1093/dh/dhac037.
41. Walicki A. Legal Philosophies of Russian Liberalism. Oxford: Clarendon press, 1987. 477 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000492511> (accessed: 12.09.2024).

References

1. Bulgakov S. N. Heroism and asceticism. *Vekhi: sbornik statej o russkoj intelligencii*. Moscow, DeAgostini Publ., 2014. 491 p. (In Russ.)
2. Ershova O. V. On the issue of the emergence of terrorism in Russia in the 19th century. *Problemy bor'by s terrorizmom i ekstremizmom s uchetom sovremennyh realij: sbornik nauchnyh statej mezhdvedomstvennoj konferencii*. Saratov, 2022. Pp. 31-38. (In Russ.)
3. Is there a punishment for crime? Available at: <https://smotrim.ru/video/2786918> (accessed: 12.09.2024). (In Russ.)
4. ZHikov M. V., Kovalev V. A. Pobedonostsev: life in the service of Russia. *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2022, no. 11, pp. 24-31. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_50770901_18015572.pdf (accessed: 12.09.2024). (In Russ.)
5. K. N. Leontiev. Pro et contra: in 2 books / edited by D. K. Burlak. St. Petersburg, RHGI Publ., 1995. Book 1. 474 p. (In Russ.)
6. Kazin A. L. N. Ya. Danilevsky and K. N. Leontiev: new relevance. *Kul'turnoe nasledie Rossii*, 2023, no. 2 (41), pp. 87-91, doi: 10.34685 / HI.2023.41.2.011. (In Russ.)
7. Katkov M. N. Ideology of conservation. Moscow, Institut russkoj civilizacii Publ., 2009. 796 p. (In Russ.)
8. Kocherov S. N., Parilov O. V. Philosophy of the Russian Idea: monograph. Moscow, Publishing House "Russian Philosophy", 2022. 300 p. (In Russ.)
9. Criticism of the 60s of the XIX century / compiled, introduction. art., preambles and notes. L. I. Sobolev. Moscow, Astrel' Publ., AST Publ., 2003. 445 p. (In Russ.)
10. Leont'ev K. N. Selected. Moscow, Rarog Publ., Moskovskij rabochij Publ., 1993. 400 p. (In Russ.)
11. Losev A. I., Fyodorov S. N. Counteraction to terrorism in Russia: problematic issues. *Aktual'nye voprosy publichnogo prava: materialy XX Vserossijskoj nauchnoj konferencii studentov i molodyh uchenyh*. Ekaterinburg, 2022. Pp. 643-652. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_60231925_68990762.pdf (accessed: 12.09.2024). (In Russ.)
12. Mamedov A. A., Donskih K. YU., Kotusov D. V. The main ideological attitudes of the philosophy of K. N. Leontiev. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 2021, no. 8(88), pp. 27-31, doi: 10.24158/fik.2021.8.3. (In Russ.)
13. My mother, my dear Russia, is being disfigured. Letters from K. P. Pobedonostsev to S. D. Sheremetev. *Istochnik*, 1996, no. 6, pp. 4-32. (In Russ.)

14. Medovarov M. V. The historical role and legacy of M.N. Katkov on the pages of the Russian Review. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2021, no. 6, pp. 17-23, doi: 10.52452/19931778_2021_6_17. (In Russ.)
15. Minakov A. YU. Apostle of national Russian politics: M. N. Katkov. *Zashchitniki russkoj gosudarstvennosti XVII-XX vekov v portretah i sobytijah*. Moscow, 2022. Pp. 81-88. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_48225878_18581368.pdf (accessed: 12.09.2024). (In Russ.)
16. panasyuk v. v., bachu n. a. conservative model of political development of russia by k. p. pobedonostsev. *naukosfera*, 2021, no. 5-1, pp. 105-110, doi: 10.5281/zenodo.4741930. (In Russ.)
17. perevalova e. v., perevalov v. v. on the relationship between k. p. pobedonostsev and m. n. katkov in the 1870s. *vestnik tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, no. 482. pp. 81-89, doi: 10.17223/15617793/482/8. (In Russ.)
18. Pobedonoscev K. P. Moscow collection. *K. P. Pobedonoscev: Pro et contra*. St. Petersburg, RHGI Publ., 1996. Pp. 80-574. (In Russ.)
19. Popov A. A. M. N. Katkov: on the issue of his socio-political views. *Social'no-politicheskij zhurnal*, 1992, no. 9, pp. 74-81. (In Russ.)
20. Pushchaev YU. V. Byzantinism of Konstantin Leontiev as a social ideal and modern Russia. *Ortodoksiya*, 2021, no. 3, pp. 213-241, doi: 10.53822/2712-9276-2021-3-213-241. (In Russ.)
21. Repnikov A. V. Conservative concepts of the reorganization of Russia. Moscow, ACADEMIA Publ., 2007. 519 p. (In Russ.)
22. Rozhkovskij V. B. "The Average Man" in the Socio-Political Concept of K. N. Leontiev. *Filosofiya prava*, 2022, no. 3 (102), p. 45-50. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_49745785_29286172.pdf (accessed: 12.09.2024). (In Russ.)
23. Sagajdak A. YU., Korsikova N. A. Determinative Features of Terrorism in Modern Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2019, no. 2(82), pp. 178-184, doi: 10.35750/2071-8284-2019-2-178-184. (In Russ.)
24. Trushkov S. A., Zubrickij A. D. Political ideas of K. P. Pobedonostsev and their assessment in domestic historiography. *Gumanitarnyj nauchnyj vestnik*, 2022, no. 4, pp. 7-12, <https://doi.org/10.5281/zenodo.6517252>. (In Russ.)
25. Frank S. L. Ethics of nihilism. *Vekhi: sbornik statej o russkoj intelligencii*. Moscow, DeAgostini Publ., 2014. 491 p. (In Russ.)
26. Hamidulin A. M., Babaeva A. V. Experience of testing content analysis in the study of the concept of "Russian idea". *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2024, vol. 12, no. 1 (46), doi: 10.26795/2307-1281-2024-12-1-10. (In Russ.)
27. SHaposhnikov L. E., Parilov O. V., Pushkin S. N. The Problem of the Relationship between the Universal and the National in the History of Russian Thought: monograph. Moscow, FLINTA Publ., Nizhny Novgorod, Mininskij universitet Publ., 2020. 324 p. (In Russ.)
28. Bachurin S. V. The terrorism in political retrospect and modern conditions. *Modern Science and Innovations*, 2023, no. 1(41), pp. 141-151, <https://doi.org/10.37493/2307-910X.2023.1.16>.
29. Berest J. The Emergence of Russian Liberalism: Alexander Kunitsyn in Context, 1783–1840. New York, Basingstoke, 2011. 264 p.
30. Czornik K., Szyzol M. Between the fourth and fifth waves: the evolution of modern terrorism. *Studia Polityczne*, 2022, vol. 50, no. 2, pp. 139-162, <https://doi.org/10.35757/STP.2022.50.2.06>.
31. Hamburg G. M. Boris Chicherin and Early Russian Liberalism, 1828–1866. Stanford (Calif.), Stanford univ. press, 1992. 443 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000446461> (accessed: 12.09.2024).

32. Hammer D. P. Two Russian Liberals: The Political Thought of B. N. Chicherin and K. D. Kavelin: Ph.D diss. Columbia University, 1962. 403 p. Available at: <https://searchworks.stanford.edu/view/1390865> (accessed: 12.09.2024).
33. Kuzubova A. Yu., Podoksenov A. M., Solovyova L. L., Kvasova O. A., Podoksenova M. A. Legal values of Russian conservatism and their impact on professional legal consciousness. *Cuestiones Políticas*, 2021, vol. 39, no. 68, pp. 811-823, doi: 10.46398/cuestpol.3968.53.
34. Lapshov V. A. Sociological analysis of documents on countering the ideology of terrorism in modern Russia. *Revista GEINTEC*, 2021, vol. 11, no. 4, pp. 3529-3550, doi: 10.47059/revistageintec.v11i4.2390.
35. Liberty, Equality and the Market. Essays by B. N. Chicherin / ed. and transl. by G. M. Hamburg. New Haven; London, 1998. 457 p. Available at: <https://archive.org/details/libertyequalitym0000chic> (accessed: 12.09.2024).
36. Lykova E. A., Chibunin V. M. Connection of fictitious registration of foreign citizens with terrorism in Russia. *Modern Science*, 2019, no. 5-1, pp. 167-170. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_38212682_20097482.pdf (accessed: 12.09.2024).
37. Offord D. Nineteenth-Century Russia. Opposition to Autocracy. New York, Longman, 1999. 144 p.
38. Offord D. Portraits of Early Russian Liberals: A Study of the Thought of T. N. Granovsky, V. P. Botkin, P. V. Annenkov, A. V. Drushinin and K. D. Kavelin. Cambridge, 1985. 281 p.
39. Poole R. Nineteenth-Century Russian Liberalism: Ideals and Realities. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Winter, 2015, vol. 16 (1), pp. 157-181. Available at: https://www.academia.edu/33523016/Nineteenth_Century_Russian_Liberalism_Ideals_and_Realities_Review_Essay (accessed: 12.09.2024).
40. Stieb J. Moral clarity: Terrorism, the culture wars, and modern U.S. conservatism. *Diplomatic History*, 2022, vol. 46, no. 4, pp. 728-754, doi: 10.1093/dh/dhac037.
41. Walicki A. Legal Philosophies of Russian Liberalism. Oxford, Clarendon press, 1987. 477 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000492511> (accessed: 12.09.2024).

© Парилов О. В., 2024

Информация об авторах

Парилов Олег Викторович – доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация; Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Российская Федерация; ORCID ID: 0000-0001-9288-3194, olegparilov@yandex.ru

Information about the authors

Parilov Oleg V. – Doctor of Philosophical Science, Professor, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russian Federation; Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation; ORCID ID: 0000-0001-9288-3194, olegparilov@yandex.ru

Поступила в редакцию: 26.04.2024

Принята к публикации: 20.12.2024

Опубликована: 28.12.2024